

Евгений Чернышев

К А Б А Н

В погожее мартовское утро, лишь только взошло над обес-
снеженным лесом багровое солнце, в покосившуюся конюшню лес-
ничества, запыхавшись, ворвался Сергей, молодой костлявый лес-
ник в расстегнутой цигейковой куртке мехом внутрь и с разма-
шистыми руками.

— Быстрее! Давай быстрее! Кабана машина сбила! — заорал
он тут же с порога конюху Николаю, который в это время как
раз поил с ведра лошадей.

— Га!.. Где?.. Точно?.. — чуть не выронив из рук ведро
и выпучив слезливые глаза, недоверчиво переспросил конюх.

— Да точно я тебе говорю! Давай запрягай скорей лошадей!
Поехали! — продолжал горланить, наступая и с нетерпением раз-
махивая аршинными ручищами, Сергей и вся взволнованная фигура
его, с перекошенным лицом, взлохмаченным чубом и съехавшей на
затылок кепкой, излучала решительную деятельность.

— А где?

— На шоссе.

— Здоровый?

— Килограмм под сто будет.

— А ты не брешешь? — масляно улыбнулся Николай, туго со-
ображая: не дурачат ли его.

— Да ядрит твою мать! — взъерепенился Сергей. — Что я тут
с тобой шутки пришел шутить?! Скорей поехали говорю, там воз-
ле него Петро дежурит!.. Топор есть тут у тебя?

— Есть, он под лавкой лежит, — покорно указал рукой Ни-
колай и стал торопливо выводить и запрягать в телегу пару то-
щих гнедых кляч.

Подошел здоровенный красномордый в кирзовых сапогах лес-
ник Дуся.

— Здорово хлопцы! — приветливо вскинул он рукой.

— Здорово! Коли не шутишь.

— Шо за спешка?

— На шоссе машина кабана сбила, — неохотно объяснил Ни-
колай.

— Да-а-а? — удивленно вскинул брови Дуся.

— Да-а-а... — яхидно передразнил Николай.

— Точно. Междугородный автобус рано утром сбил, — просто душно подтвердил Сергей. — Я не видел — Петро видел. Он сейчас там дежурит, чтоб кабан никуда не уполз,

— А он что, живой еще?

— Живой. Ему весь зад отбило, но он на передних лапах уже метров на пятьдесят от трассы улез.

— Так давайте заберем его: свежати́на будет, — растянулся в улыбке Дуся, выставляя на показ желтые зубы.

— Ага, тебя ждали, — поправляя сбрую, недовольно буркнул Николай.

— А мы что хотим делать? — несколько даже обиделся Сергей и с оскорбленным видом взобрался на козлы.

— И я с вами, — бесцеремонно крикнул Дуся и, неуклюже подпрыгнув, задом перекинулся в подводу, высоко задирая длинные ноги в чоботах.

— Не пристраивайся, не пристраивайся! — прикрикнул на него Николай, берясь за вожжи.

— Пусть едет. Там всем хватит. Погна́ли! — скомандовал Сергей и телега поспешно ~~поехала~~ исчезла со двора.

Петро стоял как часовой на вахте и еще издали замахал ~~ним~~ руками.

— Ну? Где, где он? — от нетерпения соскочив на ходу с телеги и рыская вокруг глазами, осведомился Сергей.

— Да вон, вон он под кустами лежит, схоронился! — указал дрожащей рукой обрадованный и возбужденный Петро. Все бросились туда.

Метрах в ста от дороги, под раскидистым кустом можжевельника, зарывшись в сухие прошлогодние листья, лежал на боку годовалый дикий кабан. Взъерошенный, перепачканный грязью и кровью, с красным мясом по всему правому боку, от удара машины, он притаился и тяжело дышал. Людей он хорошо слышал, но убежать из-за перебитого зада подальше в лесную глушь не мог и оттого, и от боли еще глубже дышал и еще больше наливались его глаза кровью.

— Обходи, обходи сзади! — крикнул, обегая куст вокруг, вертлявый Сергей.

Весь пунцовый, пыхтя как паровоз, Дуся с топором в руках стал заходить сзади, приближаясь к кабану. Кабан развернулся, поднялся на передние ноги и угрожающе нахохлился. Когда между ними оставалось метра два, он вытянул рыльце, дико рывкнул и сделал резкий бросок вперед, волоча по земле зад. Дуся успел отскочить.

— Не подходи! Не подходи укусит! — стоя позади с веревками в руках, завопил трусливый Николай. — На! На, веревку! Вяжи, вяжи его!

— Та... отстань... — отмахнулся Дуся.

— Не мешай! — не сводя глаз с кабана, огрызнулся Сергей. — Что, у него клыки есть? Он же молодой совсем... Давай, давай Дуся!

Петро с рогатиной в руках настырно подстунал с другой стороны.

— Я ему укушу... — успокаивал себя Дуся. — Я тебе, падло, укушу... — он поднял топор и, глядя на кабана в упор, приблизился на шаг.

— Не бойся, не бойся, Дуся! Он же молодой, — подбадривал его Сергей.

Величиной со среднюю собаку, но в два раза толще, с крупным загривком и кладающей мордой, но с перебитым задом, кабан был не столько опасен, сколько страшен. Черные глаза его горели ненавистью, жесткая щетина на загривке встала дыбом, уши чуть прижаты. Затравленный зверь напрягся весь в предсмертном ожидании, подергивая нижней челюстью, с которой обильно стекала кровавая слюна. Но еще не пришло время самому умереть ему и он готов был, как и всякое дикое животное, защищать свою жизнь до последней судороги сердца.

— Ну, ну, иди сюда, иди сюда, — подбирался все ближе, согнувшись вдвое, Дуся, не замечая выступившей испарины на лбу и все крепче сжимая двумя руками топор. — Тю, тю, тю...

Взрывая передними копытами землю, кабан с призывным воплем выбросил вперед грудь и морду с открытой пастью и едва обозначившимися клыками, пробуя дотянуться до своего врага. Дуся без взмаха, не церемонясь, резко опустил с высоты наце-

ленный на голову животного топор, как раз в щетинистый череп, между глаз. Лобовая кость глухо хрястнула под обухом, на мгновение кабан замер и, захрипев, повалился набок, судорожно скребя передними ногами по хвостой лесной подстилке.

— Добей, добей его! — взвизгнул Николай.

Дуся еще, для верности, огрел два раза обухом кабана по окровавленной башке и тот затих.

— Фу!.. Здорово!.. — пробормотал, отирая шею, Петро.

— Все, копыта отбросил, — хладнокровно произнес Дуся.

— Чего уставился? Давай веревку! — приказал Сергей Николаю.

Живо накинули на задние и передние ноги петли и, взявшись вчетвером за веревки, быстро потащили обвисшую, с закинутой головой тушу к подводе. Лошади беспокойно затоптались на месте. Разом поднатужившись, выбросили ее на верх, на настил соломы.

— Давай погоняй! Пока не остыла, лучше свежевать, — сказал со знанием дела Дуся, грузно переваливаясь через борт.

Подстегивая лошадей, с шумом помчали по ухабистой просеке к лесничеству.

Не успели приехать, как подошел лесотехник с колхозником, прибывшим за дровами.

— Ого! Где это вы его добыли? — удивленно спросил он, вытягивая шупленькую лисью мордочку.

— Не добыли, а добили, — оскалился Петро.

— Междугородный автобус на шоссе рано утром сбил, — охотно объяснил балагуристый Сережа. — Весь зад ему отбило... Он, Дуся топором добил, — он весело указал пальцем на Дусю, который подбоченясь, чувствовал себя героем.

Все вместе сняли кабана с телеги и подвесили на веревке за задние ноги в конюшне к центральной балке. Туша плетью растянулась во всю свою длину по высоте человеческого роста.

— Так, отойдите, отойдите! — отогнал всех Дуся, засучивая рукава и как врач принимая от Николая подржавленный нож, который тот усердно только что заточил. Затем он подошел вплотную к туше, вытянул обе руки вверх и верным движением сделал два круговых надреза поверх жилистых голеней. Цедясь по ножу,

закапала по жесткой щетине и по рукам алая кровь. Подставили под обвисшую голову ведро.

— Горло, горло ему перережь, чтоб кровь стекла! — участливо подсказал Николай.

— Пока не надо... Я знаю... Я уж столько их перерезал... — пробасил спокойно Дуся.

— Не учи! Он сам знает, — круто осадил Сергей, беспокойно кружась вокруг вздернутой туши, не зная чем помочь и чем занять свои заgreбистые руки.

Сделав два продольных разреза по бедрам и в паху, Дуся цепко ухватился за край надрезанной шкуры и с усилием, вместе с плевой, стал медленно отрывать ее от красного мяса, все больше оголяя кровавые ляжки. Вдруг, кабан поднял передние ноги и мотанул головой, расширяя, словно от ужаса, крупные смоляные глаза. Все застыли на месте, Дуся чуть присел, ошарашенный, не выпуская из окровавленных рук шкуру.

— Да он же еще живой... — тихо выговорил, придя в себя, колхозник.

— Та не... Та то он воздух выпустил, — Дуся уже очухался и осторожно постучал рукояткой ножа по безжизненно болтающейся башке. — Та, то бывает... — махнул он рукой и, засунув с изнанки широкий нож, с натугой распорол прочную шкуру по брюху и груди до горла.

— Серега, подсоби, — попросил он осипшим голосом.

Сережа крепко уцепился за другой конец шкуры, пачкая руки в кровь, и они вместе, багровея, потянули ее книзу, с треском отдирая от мяса и стягивая по всей длине, как кожу с человека. Подрезав передние ноги и вокруг шеи, полностью отняли ее еще потную тяжелую от тела, выставив на всеобщее обозрение бесстыдно-кровавое теплое мясо. Вся неестественно красная, отошала за зиму, туша висела несуразно чернея к низу большой колючей головой, исходя кровью и паром.

— Башку, башку отрезай, — торопил Николай.

— Отрежем... — невозмутимо пробормотал Дуся, ворочая в толстых окровавленных пальцах нож.

Полоснув им по горлу — отошел, пережидая. Кровь хлынула сначала черными сгустками, а затем заструилась алая жидкая,

стекая по волосатой морде и брызгая вокруг.

Весть о кабане разнеслась удивительно быстро. Подошел грузный с проплешинами лесничий, а с ним старый бульбаносый лесник в ветхой заношенной флудайке.

— Мм-да-а-а... — причмокнул лесничий языком. — Уже и освежевать успели, шибко.

— А как же, — залыбился во весь рот Дуся, ловко орудуя ножом, отделяя голову от туловища.

— Н — невеличкий... Я думал, действительно кабан, а это так себе — подсвинок. Килограммов на шестьдесят потянет, не больше.

— Ха, да в нем килограмм сто, как пить дать. Мы его вчетвером он еле на телегу закинули, — придирчиво оглядывая тушу, возразил Сергей.

— Нет, больше не будет, — сморщился лицом лесничий.

— Сколько ни есть — все наше. Давайте на бутылку, Борис Иванович, на обед шашлыки будут, — подмигнув глазом, по-свойски предложил Петро.

— Тут бутылкой не обойдется... — загадочно улыбаясь, протянул лесничий, осторожно вминая пухлые пальцы в податливое молодое мясо.

— А мы само собой, трехлитровую банку самогонки возьмем, не беспокойтесь, — за всех объяснил Петро. Все согласно закивали головами.

— Не много ли? — все так же не оглядываясь, вяло спросил лесничий.

— Хэ-хэ! И то лиж бы хватило, — крикнул бульбаносый лесник.

Из любопытства, неслышно приблизившись к настежь распахнутым воротам конюшни, молодайка-бухгалтерша Галя, с отвращением скривившись, внезапно воскликнула:

— Ну и садисты же вы! Уже всю шкуру содрали с бедного кабанчика!

— Какие же мы садисты!? — стремительно озираясь и благодушно улыбаясь, возразил Николай. — Садисты те, что людей режут, а это зверь.

— И что вы будете с ним делать?

— Как что? Сожрем щас, — просто ответил Сергей.

— Всего сразу? Но у него же мясо жесткое, да и вонючее, — еще больше искажила личико молодуха.

— Ничего подобного, нормальное мясо. На столько ртов еще мало будет. Вымочим в уксусе, лучка добавим, перчика да шашлыков нажарим: за первый сорт пойдет, — растолковал Сергей.
— Приходите, угостим.

— Кабан — животное дикое, — веско, по-ученому изрек упитанный ширококостный Дуся и с силой глубоко всадил в оголенное свиное чрево нож. Оттуда резко ударило тошнотворной вонью и запарило кровавым паром.

— Фу! Не могу! — заткнув пальчиками нос, толстозадая бухгалтерша, под общее гиканье мужиков, переминая ягодицами, бежала.

Дуся, по локоть в крови, стал вываливать руками из растерзанной утробы в ведро слизкие внутренности и, тут же, с помощью Сережи, отрывал и отрезал печень, легкие, сердце и накладывал горкой на разостланную рядом клеенку.

— О!.. А их чего сюда черт несет! — выкрикнул вдруг писклявым голоском Николай.

Все обернулись. На широкую усадьбу лесничества медленно въехала ~~ниги~~ желто-синяя с мигалкой "Волга" ГАИ.

— Еще нахлебники!.. Кто-то сообщил наверно... Пошли они!.. — заволновались лесники.

Из машины вышли и подошли к гурту два молоденьких милиционера в новых темно-синих плащах и краснокантных фуражках

— Здрасьте!

— Здрасьте!..

— Так что, это тот кабан, что машина сбила? — указал головой на тушу один из них с тоненькими шнурочками-усиками.

— Да... Точно...

Милицейский усмехнулся:

— А вы время даром не теряете.

— Гы-гы!.. А чего же добру пропадать, — залыбились все.

— А нам передали, что на дороге авария — кабана сбили.

Дай, думаем, заедем в лесничество, может они что знают.

— Да какая там авария, — насторожился лесничий. — Авто-

бус чуть задел кабана за зад. Никто не пострадал, кроме вот него, — он кивнул на висящую красную тушу, возле которой, ловко потроша нутро, продолжал пораться Дуся.

— Да, но... — гаишник замялся и ~~встал~~ отошел с лесничим в сторону. — Надо акт составить, это же на трассе случилось, а не в лесу, — он простодушно посмотрел лесничему в глаза. — А тушу отвезти для проверки на санэпидемстанцию и сдать в заготпункт. Вы же знаете, что по закону...

— Э-э-э... — секунду соображал лесничий. — Я-то знаю, но кому нужен этот акт: вам, нам?

Гаишник равнодушно пожал плечами, давая понять, что он в принципе согласен, но...

— Вы же видите, хлопцы кабана почти разделали, — лесничий вдруг довольно потер руками. — Знаете что, приезжайте-ка лучше сюда в обед, мы шашлычков наготовим, отобедаете да по сто грамм...

— Ц-ц... нельзя, служба, — прицокнул с горечью языком милицейский, вскидывая брови и округляя чистые и синие, как мундир, глаза. — В обед не можем, а вот после обеда мы заедем. Вы нам только заднюю ногу и часть грудинки оставьте... Да и будем считать, что ничего не произошло, — махнул он рукой и дружелюбно усмехнулся: — Никогда мясо дикого кабана не ел, надо же попробовать.

— Конечно, конечно, об чем разговор, — и себе растянулся в улыбке лесничий.

Когда машина выехала со двора, он подошел к ожидавшим-ся мужикам.

— Ну что?... Что они хотели?... — спросили хлопцы хором.

— Да что? Ясное дело — мяса. Ляжку и кусок грудинки надо оставить.

— Что-о!.. С какой стати!.. Шибко жирно будет!.. Да я собакам лучше выброшу, чем им отдам! — подвел общий итог взбалмошный Сережа.

— Тихо, тихо... Надо поделиться, вам что, кусочка грудинки и ляжки жалко?

— Ага! Это наша добыча!

— Так они все заберут! Это же на дороге случилось! Состав-

вят акт и оприходуют кабана по накладной. Увидите!

— Не успеют. Сейчас же все слопаем подчистую.

— Я же обещал! — взвизгнул лесничий. — Они потом мне какую-то подлость устроят.

Немного подумав, скрепя сердце, хлопцы согласились.

— Ладно, пусть берут... Всем хватит... Что мы его, в самом деле, на базаре купили?... С минтов довольно и ноги...

Тем временем Дуся полностью закончил разделку туши, расчленив ее всю на отдельные крупные части: две лопатки, две грудинки, шейку, спинку и два окорока, которые пока оставались висеть подвешенными на веревке. Окровавленную с изнанки сырую шкуру Сережа расстелил на пол жестким волосом вниз и густо присыпал по мездре толстым слоем соли, для сохранности.

— Вычиню да брошу под ноги возле кровати, чтоб тепло было, — резонно объяснил он с озабоченным лицом.

Ведро с кровью и внутренностями вылили в яму за конюшней, куда набежали собаки. Сбросившись по троячке, послали гонца с трехлитровой банкой за самодуром к бабе Насти, а мясо, которого оказалось не так уж много, сложив в широкую миску, умельцы понесли готовить на шашлыки к сторожихе, которой пообещали весь ливер. Припасенный для незваных гостей окорок завернули в клеенку и отнесли в вырытый за сараями погреб. Оказавшиеся не у дел, гуртом вывалили во двор и скучились под жиденьким весенним солнцем, побалагурить и покурить со сладким предвкушением сытной трапезы. В конюшне осталась только валяться на широком, в обхват, чурбане щетинистая, с растопыренными ушами, с черным пяточком и остекленевшими глазами, кабанья голова, высунув шершавый язык из застывшей в оскале мертвой пасти. Кабан — животное дикое.

....